

“Писать о главном: о любви и смерти, о болезни и ревности, о юности и старости — это писать о том, чем жил и чем всегда будет жить человек, независимо от исторического времени и от условий его существования. Эти вечные темы касаются каждого, интересуют каждого. Это «нутром» пишется и «нутром» читается...», — сказал Бунин однажды, определив свое писательское кредо. Гораздо позже, уже в 1951 году, в конце жизни, в письме к Ф.А. Степуну, которого он считал своим лучшим критиком, писатель разделил все свои сочинения на пять главных в его творчестве «родов»: «О народе», «О любви», «Мистические», «О смерти», «Разные».

Так Бунин точно определяет главные темы своего творчества, среди которых — произведения «о смерти». Как свидетельствуют его биографы и близкие ему люди, Бунин всегда очень боялся смерти, возможно, поэтому так много писал на эту тему. Связанные со смертью «атрибуты» часто встречаются в заголовках его стихотворений и рассказов. Это стихотворения «Смерть» (1902), «Растет, растет могильная трава» (1906), «Могила в скале», «Могила поэта», «Могильная плита», «У гробницы Вергилия», «Гробница Рахили», «Эпитафия», рассказы «Смерть пророка», «Огонь пожирающий», «Исход», «Конец». И очень много у писателя

рассказов, в которых за впадом «мирными» названиями кроются драматичные и трагические происшествия, приводящие его героев к смерти. Вспомним хотя бы «Легкое дыхание», «Господин из Сан-Франциско», «Митина любовь», «Натали»...

Однако сам Бунин в связи с этой темой выделял другие свои произведения, делая в том же письме Ф.А. Степуну особую оговорку: «Подчеркнутое считаю наиболее ценным, N.В. — особенно». Последуем же за Буниным, за его N.В.: «Смерть пророка», «Исход», «Огонь пожирающий», «К роду отцов своих», «Алексей Алексеевич», «Ландо». В данном «цикле» Бунин особо выделяет рассказы «Исход» и «К роду отцов своих».

В названии рассказа «Исход» имеется явная переключка, уводящая нас к названию книги Ветхого Завета, второй из Пятикнижия Моисеева, обозначенной так по описываемому в ней событию исхода еврейского народа из Египта. Название рассказа Бунина «К роду отцов своих» — это прямое цитирование автором Псалтири пророка Давида, кафизмы VII: «Не бойся, когда разбогатеет человек, или когда увеличится слава дома его, ибо при смерти он ничего не возьмет, и не сойдет с ним слава его... Но он пойдет к роду отцов своих: век не увидит света».

Впервые рассказ «Исход» был напечатан в альманахе «Скрижаль» № 1 в Петрограде в 1918 году под заглавием «Конец». Первопечатный текст Бунин редактировал в 1920 году и после слов Семена: «Смерть, ее, сказано, надо встречать с радостью и трепетом», — дописал: «— Исход, а не смерть, родной, — сухо и настаивательно поправила Евгения». Соответственно реплике Евгении было изменено заглавие произведения. Уже под новым названием — «Исход» — оно появилось в журнале «Русская мысль» в 1921 году.

Напомним, слово «Исход» в своем изначальном ветхозаветном значении соотносит жизнь и смерть: жизнь — это рабство, плен; смерть — освобождение из плена, исход же — процесс рождения души человеческой в жизнь вечную. Отсюда в рассказе Бунина и реплика Евгении: «Исход, а не смерть, родной». Таким образом, Бунин счел нужным изменить формулировку чернового заглавия рассказа, которая, как мы видим, коснулась не столько стилистической, сколько смысловой правки произведения. Исходное название «Конец» в сравнении с последующим, исправленным названием «Исход» выглядит менее торжественно, менее символично и значительно.

Между тем, именно заглавие «Исход» в бунинском тексте отражает суть сложных размышлений автора о главной тайне человеческого бытия — смерти. В историко-биографической проекции этот рассказ можно рассматривать как выражение ощущений Бунина, связанных с кризисом старого патриархального уклада на фоне стихийно формирующегося революционного «русского катаклизма» 1917 года.

В начале рассказа «Исход» Бунин показывает то, что изобразить, казалось, невозможно: сам момент исхода души старого князя. На дворе и в доме воцарилась тишина как выражение Божественного миропорядка: мир дома, где совершалось таинство смерти — это мир тишины, изредка прерываемой диссонансными, бытовыми звуками. Но здесь же символически отмечается время ухода из жизни хозяина дома: «...в доме, как будто еще более обветшавшем за лето, очень тихо»; «из растворенного дома слышно было, как стальные часы медленно пробили шесть».

Бунин показывает, что «исход» из жизненного потока бытия даже одного человека как будто нарушает гармонию мироздания: «Князь был неподвижен, и неподвижны были его полуоткрытые, как бы слегка косившие глаза... Солнце потухло, все поблекло». Чтобы снизить возникшее эсхатологическое напряжение в тексте, в рассказе появляются звуки природы — «щебет какой-то птички». Образ «птички» тоже глубоко символичен, так как, с одной стороны, природное суще-

ство, птичка, раньше других улавливает воцарившуюся в природе тревогу, с другой стороны, народное православие приписывает человеческой душе возможность летать после смерти (душа, как птица). В Псалме 123 находим: «Душа наша, яко птица избависи от сети ловящих: сеть сокрушися, и мы избавлени быхом».

Резкие звуки вводят в произведения мотивы судьбы, рока, наполняют чувством необъяснимого, странного и даже страшного. Щebetание птички, в отличие от монотонных звуков, соотносящихся с гармоничным, плавным течением времени, знаменуют собой границу «переходного» состояния, предвосхищают воцарение «беспорядка» Смерти. В пространстве дома смерть нарушает его покой и тишину, вносит суету и беспорядок: «А через минуту по двору уже бежал и на бегу попадал в рукав армяка работник — седлать лошадь, скакать на деревню за старухами... Ставни раскрывались одна за другою... Вошла Наташа... Уже не стесняясь стучать, звенеть удилами и стремя о стремя, она делала дело с твердым и строгим лицом».

В произведениях Бунина прослеживается четкая соотнесенность годового календарного цикла с годовым литургическим циклом Церкви, ориентированным на события жизни Христа, где основными событиями церковного календаря являются Рождение Христа и Его Воскресение. Рассказ «Исход» не составляет в этом ряду исключение. Так действие рассказа «Исход» начинается осенью, дата смерти указывается Буниным исчерпывающе точно: «Князь умер перед вечером двадцать девятого августа». На 29 августа по старому стилю и 11 сентября по новому стилю приходится великий праздник Православной церкви — Усекновение главы Святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Это «совпадение» еще более усиливает торжественность и значимость смерти человека как великого исхода.

Первыми запели духовный стих «на исход души из тела» пришедшие в дом нищие: древний духовный стих «на исход души из тела» в православном обряде отпевания имеет утешающий смысл: земной день кончины — это день рождения в жизнь вечную уходящей в мир иной сотворенной Божией твари: «Земля еси и в землю отыдеши». Появление нищих — старика, рябого парня, юной пятнадцатилетней девушки-матери и грудного младенца — также неслучайно, оно символизирует человеческую жизнь от ее рождения — юности и молодости до старости.

В сценах, предшествующих смерти или скорому ее наступлению, нередко в произведениях Бунина появление образа странницы. Так в раннем рассказе «Худая трава» Бунин повествует о «дурочке Анюте», в рассказе «Исход» писатель включает в повествование «гостившую в усадьбе странницу Анюту», «косноязычную и восторженную», внешне похожую на мальчика.

Так, в «Худой траве» (1913) дурочка Анюта первая открыто, без лукавства, предсказывает старому крестьянину Аверкию скорую и неминуемую смерть. Признание странницы Анюты из рассказа «Исход» — по сути краткое жизнеописание жизни князя, в которого всю жизнь, по ее словам, была она безответно влюблена и который, в свою очередь, был также безнадежно влюблен, отвергнут любимой ради другого и всю жизнь прожил одиноко с горечью неразделенной любви. «А я тебя в старые годы любила, я об тебе скучала, ты красивый был, веселый, ласковый, чистая барышня! Ты всю свою молодость об своей Людмилочке убивался, а она тебя, глупый, только терзала-мучила да и с другим под венец стала, а я одна тебя верно любила, да про то только моя думка знала! Я убогая, уroda, а душа-то у меня, может, ангельская-архангельская, я одна тебя любила, одна сию радуюсь о твоей кончине смертной...»

Смерть князя позволяет Анюте раскрыть секрет, который она хранила долгие годы, а также показывает ту единственную, которая не скорбит о его смерти, а «радуется о его кончине смертной»: «И она радостно и дико засмеялась и заплака-

ла. <...> Анюта восторженно рыдала, утираясь кофтой». Радость о смерти нужно понимать как радость по поводу исхода князя, то есть избавления от всех земных мучений, как обретение новой чистоты, утраченной когда-то человеком вместе с грехопадением в рай. Отсюда блаженная радость Анюты о «кончине смертной» князя или бесхитростный рассказ дурочки Анюты из «Худой травы» о скорой смерти Аверкия — это есть «достояние детски невинных сознаний».

Их имена неслучайно совпадают: само имя Анна в православной традиции связано с именем пророчицы, раскрывшей ждавшему сотни лет исполнения пророчества старцу Симеону истинные «имена» пришедших к нему Девы Марии с Богомладенцем Христом. Вот почему простым в этом отношении становится имя Семен, имеющее древнееврейское происхождение (Симеон), в переводе оно означает «слышащий», «услышанный Богом». На территории Руси это имя стало популярным с приходом христианства. Конечно, это имя вызывает ассоциации с Симеоном Богоприимцем и дает мотив ожидания исполнения пророчества, а также мотив ожидания смерти. Отсюда и дополнительный мотив пророчества, связанный с именем Анна. В рассказе «Исход» Семен — церковный сторож, «старик с тусклыми свинцовыми глазами, испорченными постоянным чтением при дрожащем свете по покойникам», то есть тот, кто провожает в последний путь и одновременно как бы сопровождает (читает Псалтирь) человека в новую — вечную — жизнь.

Так в ночь чтения Псалтири к вечности приобщаются не только мертвые, но и живые. Именно поэтому Бунин в рассказе «Исход» избирает тот фрагмент, который содержит прославление Господа: «Тишка, сын церковного сторожа Семена, умытый, причесанный, в новой поддевке, жалостно и поспешно читал псалтырь. «Хвалите Господа с небес, — читал он, подражая черничкам, — хвалите его все ангелы его, хвалите Его все воинства его...»

Значимость исхода души человека в вечность акцентировано излюбленным Буниным образом сосны, имеющим «соседей» в пространстве текста. Это хвойный палисадник: «В окна, сквозь темные ветки старого хвойного палисадника, глянул далекий закат»; «Хвоя палисадника сухо темнела на прозрачном, сверху зеленоватом, ниже шафрановом море далекого запада». Дом князя — это место, «за порогом» которого Вечность, отсюда хвойный палисадник символизирует переход человека из земного бытия в небесное инобытие.

Образ сосны наделяется Буниным сакральной характеристикой, становится символом вечности, как и в раннем рассказе «Сосны» (1901), повествующем о смерти крестьянина Митрофана. В этом рассказе представлена своего рода идеальная модель жизни человека, осознающего себя частью Божьего миропорядка. Тайна жизни Митрофана кроется именно в простоте, будничности, «ненужности» его жизни. Вместе с тем его смерть воспринимается автором-повествователем как особенно значимое событие, рождающее желание постигнуть «то неуловимое, что знает один Бог, — тайну ненужности и в то же время значительности всего земного». Мир полон в изображении Бунина величавых звуков («лес гудит, точно ветер дует в тысячи золотых арф»), окрашен в традиционные цвета иконы («синее небо», «зеленый бор», «золотистый солнечный цвет»), и само пространство леса становится храмом, в котором «сосны, как хоругви, замерли под глубоким небом»: «Какое великолепии и спокойствие!» «Отдаленный, чуть слышный гул сосен сдержанно и немолчно говорил и говорил о какой-то вечной, величавой жизни...» («Сосны»).

В контексте мировой культуры, сосна — это одно из самых древних деревьев, известных человеку. Во времена античности сосна являлась символом вечности, а ее шишка обозначала духовное возрождение. Гроб, «изготовленный из сосны», символизирует рождение в Жизнь Вечную после физической смерти: «В сарае

были раскриты ворота... Григорий, наклонившись и отставив одну ногу, шмыгал фуганком по тесине, заправленной в старый верстак» («Исход»).

Эту же символику приобретают образы заката-рассвета, в которых «сквозит» Вечность: недаром ключевым словом в рассказах, так или иначе связанных со смертью, становится слово «сквозной, сквозящий»: «Большие седеющие усы, выросшие за болезнь, уже сквозили...». В прямом значении слово «сквозящий» означает редкий, поредевший, отсюда также и переключка со временем, осенним состоянием природы, когда происходит действие рассказа.

Дневной и ночной миры составляют единое целое круга вечно продолжающейся человеческой жизни. Все в жизни возвращается на круги своя, но на другой уровень, изначально predeterminedенный конечностью человеческого бытия. Древние славяне также представляли жизнь в виде круга, имеющего три переломные точки: рождение, свадьба и смерть. Проходя через них, человек оказывается на качественно новом уровне. «Мы совершаем круг жизни, подобно рабочим животным на мельнице, у которых закрыты глаза; всегда отходим от одного места и приходим к тому же, я говорю о периодически возвращающихся явлениях жизни; о позыве к пище, насыщении, сне, бодрствовании, очищении, наполнении; непрестанно от этого переходим к тому, от того к этому, и опять то же, и никогда не перестанем вращаться в этом кругу, доколе не выйдем из этой мельницы» (Григорий Нисский. «О жизни»).

Символами круга — живой продолжающейся человеческой жизни в рассказе «Исход» — становится шум водяной мельницы: «Со двора, из сумрака слабо и необщественно приятно пахло дымом. Это успокаивало, говорило о земле, о продолжающейся простой человеческой жизни. В стемневших лугах, на реке, ровно шумела водяная мельница...»; а в рассказе «К роду отцов своих» — шум работающей молотилки: «А на деревне, на гумнах ладно выбивают дробь цепы, мерно и однообразно стучат веялки, ровно гудят молотилки, обещающая жизнь долгую, мирную, благоденственную. Все дорожат и наслаждаются каждой минутой чудесной погоды и дружной спорой работой».

Мельница и молотилка в рассказах Бунина отличаются особой символическостью и рядом метафорических ассоциаций, которые раскрывают бытовое сооружение в метафизическом контексте. Так, из-за особой формы и способности пребывать в постоянном движении мельницу и молотилку нередко связывают с движением времени, отсюда аллегорично родилось выражение «мельница времени».

С другой стороны, молотилка символизирует суетность круга человеческой жизни, желание обогатиться, однако, стяжательство — смертный грех. Не случайно Бунин приводит в тексте «К роду отцов своих» цитату из Псалма 48: «В мыслях у них, что дома их вечны, и что жилища их в род и род, и земли свои они называют своими именами». Если же смерть — неизбежный удел всего живущего, то жалка привязанность человека к земному, жалка его вера в несокрушимость своих материальных приобретений, жалко его стремление увековечить себя, назвав свои земли своими именами.

Именно эта христианская истина известна герою рассказа «К роду отцов своих» Семену: «Семен знает это лучше всякого... и больше всякого». Но он «богат и горяч», еще «не вышедший из круга живых» в продолжение простой человеческой жизни. Бунин уподобляет стремительность ритма его рабочей жизни ревущему барабану молотилки: «весь серый от пыли, от мякины, с кровавыми, воспаленными глазами, с хоботьем в бороде, отклоняя потное, засыпанное и разъедаемое сором лицо от зерна, остро бьющего из-под бешено рвущего и ревущего барабана, только успевает покрикивать».

В основе сюжета бунинских рассказов о смерти этих лет лежит не только земное бытие человека между рождением и смертью, а феномен самой Смерти, она

становится знаком его «вневременного» присутствия. Строгая экзистенциальная концепция бытия Смерти диктует и некоторую предвзятость и избирательность Ивана Бунина: важные для традиционного сюжета пласты жизни героев уходят в подтекст.

За годы, разделившие рассказы «Сосны», «Худая трава» и «Исход», Бунин пережил самые страшные и катастрофичные для России события, приведшие его к изгнанию с родины на чужбину. Для Бунина был вполне ясен духовный смысл русского бунта 1917 года, как всегда «беспощадного», но отличавшегося от прежних осознанной и целенаправленной «злодуховностью», пафос которой заключался в стремлении заменить «незыблемо-священные» Синайские уставы и Нагорную проповедь «новым и дьявольским», — так писал он в статье «Миссия русской эмиграции».

В рассказах 1920-х годов Бунин вновь ставит вопрос об истинном смысле бытия человека в мире, где профанируются самые главные ценности и деформируются самые важные сущностные представления. Постоянно присутствующий в его произведениях «сюжет смерти» в рассказах этого времени, сохраняя эсхатологические признаки, приобретает все более явные сакральные характеристики в русле христианской системы ценностей.

